

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Игрушка ее высочества. Часть 1

— ... Мегалитическая культура... Исчезнувшие цивилизации... Древние технологии... — вещал экскурсовод.

Игорь скептически щурился. Ну какие, блин, цивилизации? Валуны и валуны. Красивые, да. Живописные. Есть такое. Сфоткать, что ли, и отсюда тоже?

— ... Пять тысяч лет до нашей эры... Ядерная война... — не унимался экскурсовод. Игорь против воли прислушался. — Война Кауравов с Пандавами... Она описана в «Махабхарате»... Впервые в мире ядерное оружие... Все, что осталось от грандиозных построек... Сохранилась кладка...

Вот же ж блин. Чувак, судя по всему, и не слышал о геологии, думал Игорь. Коню ведь понятно, что здесь выход слоистой породы, которую эти неуки приняли за кладку.

Землетрясение перелопатило скалы, а потом тут прошел ледник и разбросал их, как гальку...

— ... А это так называемая «келья отшельника» — экскурсовод ткнул пальцем в небольшую выемку в скале. — Из глубины тысячелетий до нас дошла легенда: если человек встанет сюда и произнесет тайное слово — он перенесется на семь тысяч лет назад, в великие времена мегалитической культуры. Но увы, магия древних забыта. Может быть, она зашифрована в петроглифах, как на камне, который мы с вами видели, — экскурсовод показал туда, где туристы толпились пять минут назад. — К сожалению, ни один ученый до сих пор не смог их прочитать...

— Я могу! — не удержался Игорь.

Петроглифов тут было много. Ближайшие из них гласили: «ТУТ БЫЛ ТОЛЬЧИК» и «ВИТЮНЯ ХУЙ».

Туристы заржали. Экскурсовод коммуникабельно улыбнулся и продолжил:

— Таким образом, мы с вами видим не только захватывающее буйство каменной стихии, но и величайшую в истории...

«Не ведется, гад, — с сожалением думал Игорь. — Тут, за границей, даже наши вынуждены сохранять лицо. Европа, блин!»

Туристы по очереди лезли фоткаться в «келье отшельника». Фоткать Игоря было некому, но он тоже полез, чтобы исполнить долг туриста.

«Келья», как оказалось, уходила немного вбок. «Наши б сортир устроили, а тут все-таки Европа», — думал Игорь, согнувшись в три погибели. Неудобная, однако, штука — высокий рост...

— Йййёб ти бля! — взвыл он, ударившись головой.

Ну надо ж так шарахнуться! Звездец просто... Голова гудит — даже экскурсовода не слышно. Или тот уже отошел? Не отстать бы от группы...

Матерясь про себя, Игорь вышел из «кельи».

И обомлел.

Никаких валунов вокруг не было. Скалы, туристы, машины — все исчезло, будто сменили обои на мониторе.

Вместо всего этого вокруг возвышались мрачные здания невиданной архитектуры. Там и тут маячили люди в странной одежде. Заметив Игоря, они срывались со своих мест и неслись к

нему.

«Бред. Треснулся башкой, и пошли глюки, — думал Игорь, глядя на них. — По мотивам экскурсионных сказок, блин...»

Люди тем временем подбежали, схватили его за руки и стали галдеть на непонятном, ни на что не похожем языке. Игорь не сопротивлялся: он не знал, как сопротивляться галлюцинации.

— Я не понимаю вас, — на всякий случай сказал он. И тут же получил по морде.

«Вот тебе и бред...» — думал он, шмыгая носом. С него сорвали фотоаппарат, надели ему на голову какой-то металлический обруч... и вдруг его обидчики, как по волшебству, заговорили по-русски:

— ... Каурский шпион!... Проник в святая святых!..

Игорь заметил, что такой же обруч блестел на каждой голове.

— Я не каурский шпион, — неуверенно сказал он. Увидев, что его понимают, продолжил: — Я... я не знаю, как попал сюда.

— Расскажешь свои байки палачу!... Да что там!... Утилизировать его на месте!... В фонд биомассы...

— Не надо в фонд... — попросил Игорь, чувствуя, как проваливается в собственный желудок.

— Я... я...

— А что это у вас тут такое интересное? — раздался звонкий голосок.

Солдаты (судя по всему, это были они, хоть их одежда меньше всего походила на какую-либо форму) — солдаты, как по волшебству, выгнулись в поклоне, стараясь при этом не выпустить Игоря.

— Каурский шпион, ваше высочество, — сказал один из них. — Типичный мехорг. Нагло вторгся во владения вашего высочества с неизвестным оружием. Вероятно, хотел убить ваше высочество.

— Ты хотел меня убить?

Перед Игорем стояло существо неопишуемой экзотической красоты. Ай да девушка, подумал Игорь. Или девочка?... Ее фигура казалась взрослой или почти взрослой, но глаза блестели, как у любопытного котенка, и губы круглились так, как это бывает только у детей.

— Нет, конечно. Я и не знал, что вы... что ты есть. А если б знал, то никогда... — бормотал Игорь, прилипнув взглядом к смуглому лицу.

Это было удивительное лицо: смесь гордости, детскости, ума, любопытства и женской силы, которая, по всему виду, сама еще не чуяла себя.

— Прекрати пялиться на ее высочество! — Игоря трянули, как мешок. — Увести!

— погоди, — сказал звонкий голос. — Пожалуй, я заберу его себе.

— Но, ваше высочество...

— Он будет моим рабом. Тебе ясно, Дрир?

— Но ваше высочество! Это же мехо..

— Тебе ясно, Дрир? — повторило высочество, не меняя интонации, и лениво приподняло тонкую руку.

В ней не было ничего, но на запястье блестел браслет с приподнятым вверх отростком, похожим на клюв птицы.

Покосившись на браслет, Дрир вздохнул:

— Да, ваше высочество.

— То-то же. Следуй за мной, — сказала она Игорю и повернулась, чтобы идти к зданиям.

— Ваше высочество! Это отродье наверняка опасно. Вы позволите сопроводить вас?

— Позволю. Но тебе не стоит беспокоиться за меня, Дрир, — сказала она, небрежно вскинув руку. Из птичьего клюва на браслете вырвался тонкий луч, попав в дерево напротив. Дерево исчезло, и на его месте осталась круглая, будто срезанная гигантской ложкой яма.

Игорю ничего не оставалось, кроме как идти за ее высочеством. Дрир и еще один солдат вели его, время от времени злобно пихаясь локтями.

«Это галлюцинация, всего лишь галлюцинация» — повторял себе Игорь, хоть все вокруг казалось вполне реальным. Даже слишком реальным: краски сверкали ярче, звуки звенели звонче, а воздух был таким свежим, что хотелось кричать. Впрочем, кричать хотелось и без того...

— Благодарю. Здесь оставь нас, — сказала принцесса (наверно, так звучал ее титул), когда они подошли к зданию.

— Но, ваше высочество...

— Сегодня ты слишком много раз сказал «но», Дрир.

Несколько секунд длился диалог взглядов. Принцесса снова приподняла руку с браслетом, и Дрир, вздохнув, отошел от Игоря:

— Что скажут их величества, если узнают об этом? Подумайте, ваше висо...

— Надеюсь, ты не собираешься доносить на свою небесную госпожу?

Принцесса приподняла руку выше. Дрир, закусив губу, отвесил ей глубокий поклон. То же сделали и остальные.

— Пойдем, — принцесса кивнула Игорю и приложила руку к стене. Та вдруг раздвинулась, образовав вход.

Игорь, сглотнув, вошел туда.

Они шли по небывалым фантастическим коридорам, встречая людей — женщин и стариков. Все они, увидев их, застывали в низких поклонах. Несколько раз путь преграждали стены; принцесса трогала их рукой, и те раздвигались.

За одной из таких невидимых дверей принцесса остановилась, повернувшись к Игорю.

Стена задвинулась — они остались одни.

Здесь, в свете матовых белых ламп, Игорь смог как следует рассмотреть свою спасительницу.

На лбу у нее красовался рубин в тонкой оправе — что-то вроде пирсинга, но куда изысканней, чем у нынешних модниц. Никаких проколов Игорь не видел, будто рубин был вживлен прямо в кожу. Такие же, только втрое меньше, блестели в мочках ушей, на кистях рук и на ступнях. Казалось, они растут прямо из тела. Черные глаза принцессы блестели, как драгоценности, и казались подведенными из-за длинных густых ресниц, хоть на них не было ни капли краски. Овальное, слегка вытянутое лицо круглилось текучими, по-детски плавными линиями носа и подбородка.

На висках и на ушах, на плечах, руках и ногах принцессы виднелся тонкий орнамент. Вначале Игорь думал, что ее так разрисовали, а потом решил, что это тату, только без синюшного оттенка, с чистыми яркими цветами, как узоры бабочек или рептилий. Каждый ноготь принцессы был произведением искусства — лаковой миниатюрой, от которой по пальцам вились побеги узоров. Одеждой ей служило некое подобие сари — пестрая ткань, наброшенная на тело. Правую кисть облегал браслет — грозное оружие, как уже знал Игорь.

Телом принцесса почти созрела, но лицо и голос отстали от тела на несколько лет. Под одеждой топорщились вкусные бугорки, натянувшие ткань в разные стороны. Внизу одежда спускалась до колен, приоткрывая узоры татуировки. Разукрашенные ноги казались легкими, как воздух, и на них не было никакой обуви. Босые подошвы были выкрашены в ярко-красный цвет; Игорь вначале думал, что это для красоты, но потом понял, что они покрыты защитным лаком, плотным, как резина. Ногти на ногах были расписаны так же изысканно, как и на руках.

Длинные волосы принцессы блестели мерцающим шелком, как на рекламах шампуней. Они были насыщенного бронзово-каштанового оттенка; отдельные пряди сверкали золотом и яркими красками — фиолетовой, алой, голубой, — как у тропической птицы. Вначале Игорю даже показалось, что в прическу вплетены нити цветного шелка. Лоб обрамлялся ореолом разноцветных локонов; от них на виски и уши спускались узоры татуировки, казавшиеся их продолжением. В волосах у принцессы был обруч, как у Игоря, только роскошней, с камнями. Вся она светилась неуловимой, ускользящей красотой. Она казалась то ребенком, то милым зверенышем, то опасной колдуньей. Чувствовалось, что она совсем молода, и в ней сидит любопытный чертик.

— Ты в моих покоях, — сказала принцесса, глядя лукаво-исподлобья, как дети, когда немного стесняются. — Это величайшая честь, какая выпадала тебе когда-либо.

— Я польщен, — сказал Игорь, не зная, что сказать поумнее.

— Ты не слишком-то любезен. Итак, ты каурский шпион? Мехорг?

— Нет.

— А кто?

— Ты не поймешь.

— Как ты смеешь так говорить со мной?

— Извини. Просто... я не привык. Не привык говорить с принцессами.

— Вот как? Да будет тебе известно, что я в семнадцать лет окончила полный курс Земных, Небесных и Тайных наук, который у нас проходят к двадцати годам. Мои учителя говорили... одним словом, ты можешь не бояться, что я чего-то там не пойму.

«А сейчас тебе сколько?» — хотел спросить Игорь, но не спросил.

— Хорошо, я расскажу. Понимаешь... Ты — моя галлюцинация.

— Что-о?... — принцесса была искренне изумлена. — Ты насмехаешься надо мной?

— Нет-нет, честно... Я ударился головой, и мне мерещится все это — ваши дворцы, солдаты и ты...

— Либо ты дерзкий невежа, либо... либо понимабель испорчен.

— Пониматель?

— Да. Впрочем...

Принцесса сняла обруч со своей головы, потом с головы Игоря.

— Ихвыруалгопеудвоапрарвпыпищишгслаоирвавиекву?

Игорь так выразительно хлопал глазами, что ей пришлось вернуть ему понимабель.

— Ты действительно не понимаешь по-каурски?

— Нет. Ты же видишь.

— Хм. Если я — твоя галлюцинация, я должна была появиться после того, как начался твой бред. Так?

— Да. Так оно и было.

— Нет, так не было! Я существовала задолго до тебя. Скорее ты — моя галлюцинация, хоть и это мало похоже на правду.

— Да, со своей стороны каждый из нас прав, — признал Игорь.

— Ну хорошо. Допустим, я и все вокруг — твой бред. Расскажи мне, где и почему он возник. Где ты жил до того, как стал бредить, кем был, как назывался и так далее. И почему тебе привиделась именно я, а не кто-то другой.

«Она не зря прошла курс этих своих тайных наук, или как их там», — подумал Игорь.

Вздыхнув, он стал рассказывать. Принцесса слушала его, не перебивая. Чем больше он рассказывал — тем шире раскрывались ее черные глаза.

— Что ж, твоя история ни капельки не похожа на правду, — заявила она, когда у Игоря кончился завод. — И это единственный аргумент в ее защиту. Придумать можно было и правдоподобнее. Конечно, скорей всего ты — каурский шпион. Но верить в то, что ты рассказал, как минимум, гораздо интересней. А я совсем извелась со скуки в этих проклятых стенах...

— Что ж, — в тон ей ответил Игорь, — теперь твоя очередь. Расскажи теперь свою историю.

(«Сейчас наверняка задерет нос, что я, мол, оскорбительно себя веду» — подумал он.)

Но у принцессы так блестели глаза, что она не заметила нарушения субординации.

— Моя история гораздо скучнее твоей. Родители мои, владыки Пандау, выслали меня сюда, в Гангиолан. Отец считает, что здесь я буду в безопасности. Как по мне — уж лучше каурские бомбы, чем торчать в этой тюрьме. Изо дня в день — одни и те же лица. Фрейлины, камердинеры, солдаты, фрейлины, камердинеры, солдаты... И ни с кем не поговоришь толком. Фрейлины глупы, как сороки, хоть и из лучших семей. Я сделала из них свою Радужную Свиту, но мне быстро надоело нянчиться с ней. О солдатах и камердинерах и говорить смешно. Остаются только книги... и ты. Как тебя зовут, мой новый раб?

— Игорь, — сказал Игорь, — и я не твой раб.

— Йихорр, — попыталась повторить принцесса. — Как это ты не мой раб? Будешь бунтовать — я убью тебя или отдам солдатам.

— Ты не сделаешь ни того, ни другого. И мы оба это знаем.

— Почему?

— Во-первых, ты еще никого не убивала и вряд ли когда-нибудь убьешь. Во-вторых, тебе хочется, чтобы я был с тобой и развлекал тебя.

— Ты слишком умен для мехорга... и для раба, — заметила принцесса.

— Умен для... кого?

— Для мехорга и для раба. Итак, мой раб Йихорр...

Она замялась.

— ?

— Раздевайся.

— Что-о?

Игорь ждал этого, но все равно изобразил удивление.

— Ты мой новый раб. Должна же я осмотреть тебя? Раздевайся, да поскорей!

Ее щеки вдруг стали розовыми, как шиповник.

В этот момент заиграла мелодичная музыка, стена раскрылась, и к ним вошла самая странная компания, которую Игорь видел в своей жизни.

Это были девушки, молодые и красивые, на вид чуть постарше принцессы. — Ты что?!

Знаешь, сколько претендентов на руку Радужной Фрейлины? Вот Желтая недавно вышла за Ллуира, князя Янтарных гор. Она рассказала мне о своей первой ночи, всё-всё-всё рассказала... На чем мы остановились? Итак, раздевайся, Йихорр!

— А если снова зайдут? — спросил Игорь, ощутив мятный холодок под ложечкой.

— Не зайдут. Впрочем, ты прав, — принцесса подошла к стене и набрала какой-то код на матовой панели. Вспыхнул красный огонек. — Теперь к нам никто не проникнет, даже комендант, первый в Гангиолане человек после меня... Ты слышал меня, Йихорр? Или понимаешь снова испортился?

— Игорь, а не Йихорр, — буркнул Игорь, снимая футболку.

— Я и говорю: Йихорр... О небо, о звезды! Ты покрыт шерстью, как горный козел...

— Вот спасибо!

— Если ты не мехорг, то откуда ты, такой огромный и волосатый? Люди Каура совсем другие, низкорослые, как дети...

— Флаг им в руки и барабан на шею.

— Какой барабан?... А можно потрогать? — спросила принцесса, забыв, что Игорь ее раб, и робко коснулась шерсти на его животе.

— Можно, если осторожно, — сказал Игорь, млея от мурашек.

— Я достаточно осторожна?

— Да, — сказал он, едва дыша.

Его будто окутал кокон чистой горячей ласки, от которой вдруг сперло дыхание и пошла кругом голова...

— Никогда не думала, — шептали розовые губки, — никогда не думала, что... Впрочем, неважно. Раздевайся дальше!

— Может, не надо? Тебе ведь наверняка нельзя... Сколько тебе лет?

Принцесса хотела что-то ответить, но промолчала и стала стягивать с Игоря брюки.

— Что за одежда на тебе? — бормотала она, воюя с ремнем. — Никогда не видела такой... Сопротивляться было невозможно, и Игорь расстегнул пряжку. Принцесса неуклюже стащила с него брюки вместе с трусами. Оттуда выпрыгнул, как Ванька-встанька, каменный стояк.

Игоря окатила зябкая волна.

— А... можно... — на этот раз принцесса даже не смогла договорить.

Игорь кивнул, и ее руки медленно приблизились к его хозяйству.

Это место знало немало женских рук, но ни одни не исторгли из Игорятакой сладостной дрожи. Робкие, скользкие касания, страх и изумление баловницы, проникшей в запретный зал, ее похоть, которая пока никак не давала о себе знать, но чувствовалась в воздухе, как аромат цветущих яблонь... «Ай да бред!» — то ли думал, то ли чувствовал Игорь, пялясь на розовые щеки принцессы так же, как та пялилась на его яйца...

— И тут шерсть, — хихикнула она басом (ее голос спустился куда-то в грудной подвальный этаж).

— А у тебя не растет разве?

Принцесса не ответила, продолжая щупать и гладить его пушку. Игорь следил за приближением рта к заветному кончику, не смея дохнуть, и удивлялся тому, как все складывается само собой, будто ими управляет невидимый дирижер...

— Ыыыу, — выдохнул он, когда елду облепили горячие губы и язык. — Ыа, аааах! — стонал

он, не умея больше сдерживаться, и смотрел, как принцесса звереет от его стонов и заглатывает едду целиком, подминая жадными пальчиками яйца.

Мгновение — и Игорь сдавил руками нежную голову, насадив ее на свой хер, и рычал, рычал, как голодный дракон, а принцесса давилась его спермой, прожигавшей насквозь...

Она долго кашляла, глядя мутными глазами на Игоря. Тот сел прямо на пол и закрыл глаза.
— Что... это... было?... — спросила она хрипло, как старая цыганка. От звонкого детского голоска не осталось ни следа.

— Сперма, — пробубнил Игорь, не открывая глаз.

— Она такая гадкая...

— Ты видела, как кто-то делал такое?

— Да...

— Кто?

— Мама...

— Папе?

— Нет... Одному... Я случайно подсмотрела... Потом ночами снилось такое... Ыыыы! — взвыла принцесса, как все девчонки, когда вспомнят что-то неловкое.

Но Игорь уже не мог остановиться. (Что поделать — он был всего лишь человеком, и меньше того — всего лишь мужчиной.)

— Теперь ты.

— Что я?

— Раздевайся. Твоя очередь.

— Ты что?! — прорезался вновь звонкий голосок. — Ни одному мужчине не позволено видеть наготу небесной принцессы!

— Ни одному, кроме меня.

— Как ты смеешь... — протянула принцесса. Это прозвучало не надменно, а просительно, даже умоляюще.

— Наверно, ты еще маленькая, и боишься меня разочаровать?

— Да как ты... ты... — задохнулась принцесса. Подскочив, она отвесила Игорю пощечину, крепкую до обморока, потом еще одну, и еще, и еще.

Тот хотел схватить ее, но принцесса отскочила и подняла руку с браслетом. Глаза ее сверкали, как черные молнии.

Игорь пережил несколько неопишуемых мгновений.

... Но принцесса опустила руку.

— Суди сам, — сказала она, сглотнув слезы. И медленно вывернулась из своего пестрого полотнища.

В который раз Игорь похолодел. Хрупкое, трогательное, стыдное тело принцессы гнулось перед ним в зябких мурашках первого обнажения. Небольшие грудки застенчиво смотрели в разные стороны, будто отворачивались от Игоря. Внизу розовела и маслилась нежнейшая, как весенние почки, щель, горящая от его взглядов. Вокруг не росло ни волоска. Тоненькое туловище принцессы было девственно чистым — ни татуировок, ни пирсинга; узоры спускались с головы на плечи, на руках доходили до локтей, на ногах до колен. Маленькие, беззащитные сосочки были точь-в-точь как рубины у нее в коже...

Игорь привстал.

— Никогда не видел ничего прекраснее, — заявил он, вовремя сообразив, что нужно сказать.

(Впрочем, он ни на полкопейки не соврал.)

Принцесса всхлипывала. Игорь подполз к ней на коленях (в этот момент он действительно чувствовал себя ее рабом), заглянул в глаза, как собака...

— Не надо, — жалобно попросила принцесса.

Он снова глянул на нее — и прильнул ртом к запретной щелке.

— Не... надо... я... я... приказываю тебе... — бормотала принцесса. Игорь лизал ее, обхватив руками ягодицы, пружинящие под пальцами, а она извивалась в его руках, как рыбешка, и хныкала. Если бы он опустил руки — она упала бы на пол...

Щель текла горьким клеем. Игорь всасывался в нее ртом, опухшим от соли, пока не почувствовал, что принцесса на грани.

Огромный его кол вновь таранил воздух... Решившись, Игорь повалил на пол хрупкое существо, скулящее от ужаса и похоти, и стал медленно, чтобы не навредить, вдавливать его вовнутрь, чувствуя, как липкое колечко обтягивает его и всасывает в себя